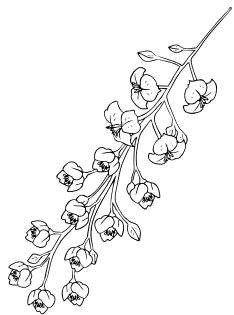

РОЖДЕННЫЕ В СССР

ИВАН — КАРАСЁВ

ИВАН КАРАСЁВ

**РОЖДЕННЫЕ
В СССР**

рассказы

ВЬЕТНАМЦЫ

Наше студенческое общежитие было очень многонациональным. Кроме представителей самых разных народов Советского Союза с нами жили африканцы из трёх-четырёх стран, кубинцы, колумбийцы, греки, немцы из ГДР, в количестве одного экземпляра имелись даже испанец, сириец, иракский курд (очень враждебно относившийся к Саддаму) и китаец – дружба с КНР только-только начиналась. Вся это разношёрстная братия делила с нами перенаселённые комнаты (до семи человек в двадцатиметровых «покоях») выдавшей вида общаги на пятой линии Васильевского острова, пользовалась нашими вечно загаженными туалетами (по одной паре на весь этаж из двадцати пяти комнат), и целых два раза в неделю, как и мы, рядовые советские граждане, имела право на душ. Наверное, многих вначале шокировали обшарпанные стены, теснота в комнатах, и все прочие «преимущества» советского образа жизни, но потом даже самые изнеженные иностранцы привыкали и порой, особенно в дни великих праздников, вроде Нового Года, казалось, что лучше, чем наше старое общежитие и быть ничего не может.

Поговаривали, что до Революции в этом доме находился недешёвый публичный дом. За годы Советской власти здание потеряло лоск и изнутри, и снаружи. Но непонятно откуда-то бравшееся у советских людей желание подороже продать своё юное тело, присущее определённому проценту прекрасной половины человечества, создавало некую, хоть и не заметную с первого взгляда преимущество в функциональном назначении здания. В те времена ведь любой негр, получавший из дома пятьдесят долларов в месяц (а это по курсу чёрного рынка зарплата майора без прилагающейся к ней необходимости содержать всю семью), казался человеком с большим достатком. Что и говорить о представителях более продвинутых экономик, как греки, например. Да и среди граждан африканских стран, если покопаться, можно было найти выходцев из местных элит, влиться в которую и вкусить все блага запретного мира, мечтали многие представительницы самой древней профессии, загнанные бесчеловечным тоталитарным государством на скамьи университетских аудиторий.

Единственной иностранной диаспорой, которая совершенно не пользовалась спросом у искавших счастья вдали от Родины девиц, была вьетнамская. Там тоже действовала социалистическая распределительная система, как и у нас, только более бедная. И доллары у них не торчали из карманов по причине полного отсутствия. К тому же, время от времени во Вьетнаме случались войны и прочие бедствия. Совершенно неинтересный контингент, притом живший исключительно внутри своей, вьетнамской, тусовки, нам совершенно непонятной. Им было достаточно трудно в нашей стране, другая, совершенно непохожая культура, абсолютно непохожий, ни в чём, язык. Общались они практически только друг с другом, что делало их более уязвимыми во всех жизненных ситуациях, к которым они порой были абсолютно не готовы. Эта внутренняя замкнутость и некоторая беспомощность в жизни не помогали нам принимать их такими, как они есть. Их привычки тоже не лили воду на мельницу взаимопонимания. Как может нравиться, например, ползущий по всему коридору из общей кухни запах жареной селёдки – любимого лакомства оторванных от родных берегов уроженцев западного побережья Южно-Китайского моря?

Да, понять их было непросто. Во всех смыслах этого слова. Русский язык им, использовавшим совсем другую фонетику (одно короткое слово может иметь три-четыре значения, в зависимости от интонации), давался очень трудно. Песня «Одна снежинка – ещё не снег, одна дождинка ещё не дождь» в исполнении вьетнамки с нашего курса звучала так «Ана сизынка исё ни снек, ана тасинка исё ни тось». Язык для вьетнамцев был главным препятствием и в учёбе. Учились они плохо, те, кто зубрил днями и ночами могли с большим трудом вытянуть на четвёрку. Но преподаватели их жалели, только вьетнамской студентке можно было на защите диплома по этнографии рассказывать о том, что она приехала учиться в красивый город Ленинград, что в нём она встретила много интересных людей и так далее. До этой защиты мне казалось, что цель этнографии – это поиск учёными законсервировавшихся в крестьянском укладе элементов жизни и быта более древних обществ. Оказывается, бывает и наоборот. Этнографы из довольно отсталой тогда страны изучали наше прогрессивное общество развитого социализма. Может, у них этнография и футурология – одна специальность?

Представления о социально-бытовых нормах тоже отличались. Неформальным лидером диаспоры считался студент по имени Чунг, ему под конец учёбы стукнуло лет тридцать, а, может, и сорок (возраст вьетнамцев мы не всегда определяли успешно). Он был женат, семья осталась во Вьетнаме, что позволяло ему, как альфа-самцу стаи, регулярно менять подружек. Про

него ходили самые загадочные слухи и сплетни: что он спал в своём закутке, отгороженном занавеской, сразу с двумя соотечественницами или, что на Родине он работал чуть ли не министром транспорта. Мы недоумевали, зачем высокопоставленного транспортного чиновника посылать учиться на исторический факультет? Но вскоре последняя легенда рассыпалась в пух и прах. Точнее, Чунг сам растоптал её обеими ногами. Съездив после третьего курса домой, по возвращении он объявил, что у него родился сын. Когда у него спросили удивлённые советские товарищи по комнате, как такое могло произойти после стольких лет разлуки с женой, Чунг важно поднял вверх указательный палец правой руки и заявил: «Это от начальника станции!» Не знаю, какая часть истории имела место на самом деле, но слухи постоянно окутывали коренастую фигуру Чунга.

Если Чунг был видом суров и внушал уважение, несмотря на вьетнамский вариант суррогатного отцовства, то большинство его соотечественников были простыми и улыбчивыми, добрыми людьми. Можно сказать щедрыми. В меру своего понимания мира, конечно. Я однажды, желая польстить своему товарищу по комнате, перефразировал слова известной в то время песни, звучавшую в оригинале так:

- Вьетнам – Хо Ши Мин.

Я переделал по полному имени моего «сокамерника»:

- Вьетнам – Лыу Ван Ан.

Звучало красиво. Мне кажется, даже лучше, чем авторская версия. В ответ услышал:

- Иван – Пасков (имелся в виду мой родной город Псков).

Я слегка обиделся:

- Ан, я тебе весь Вьетнам, а ты мне только Псков, Ну, хоть бы Ленинград добавил!

Ан в ответ как всегда весело улыбнулся. При улыбке губы его широко раздвигались во все стороны, обнажая блеск здоровой белой челюсти. Ан любил чистить зубы, при этом он ещё и как-то смешно фыркал. Обижаться всерьёз на него не получалось.

Мой приятель у себя на Родине тоже был важным человеком. И это уже не слух, он мне сам рассказывал, как в девятнадцать лет его избрали

председателем колхоза. До этого руководителем хозяйства работал его дядя, но здоровье стало подводить, и он оставил должность. Дальше в описании Ана дело выглядело примерно так: собрались мужики (он именно так выразился – мужики), поговорили, подумали и выбрали Ана, как родственника старого председателя по мужской линии. Почему не отца семейства Лыу я спросить тогда не удосужился, а жаль, может, это какая-нибудь сложная система местозамещения, типа лестничного восхождения у древнерусских князей – Рюриковичи, как и граждане Вьетнама, размножались очень хорошо.

В итоге, благодаря общению с вьетнамцами мы узнавали много нового и интересного, правда, для этого нужно было сначала их понять. Гораздо легче складывалась жизнь и учёба в Советском Союзе у вьетнамских граждан, отправившихся штурмовать точные науки. Всё-таки сухой язык цифр почти полностью снимает языковой барьер, а усидчивости им было не занимать. Ребята-математики из Минска, с которыми мы пересеклись в якутском стройотряде, рассказывали, что их вьетнамцы – самые лучшие студенты. Тогда мы удивлялись, вспоминая своих, теперь мне всё понятно, в наше время китайцы и индийцы занимают достойное место в когорте преподавателей североамериканских ВУЗов. Так что мешало вьетнамцам потеснить наших соотечественников в Минском университете?

Не все студенты из Социалистической Республики Вьетнам блистали в учёбе, но все они или почти все были неприхотливыми в быту. Вот уж кому скученность в нашем общежитии не мешала, так это им. Иногда, вопреки всем правилам, заведённым для студентов скучными блюстителем морали из ректората, они устраивали вечеринки диаспоры, на следующее утро из одной кровати могли торчать в разные стороны ноги трёх-четырёх миниатюрных вьетнамок. Про более корпулентных парней такого не припомнить, но вдвоём они тоже спокойно помещались на стандартных советских койко-местах. Для того, чтобы заснуть, моему приятелю Ану достаточно было лечь в свою постель. И ничто: ни яркий электрический свет, ни наша вечерняя болтовня под чаёк, прерываемая звоном упавшей крышки алюминиевого чайника (металл о металл), ничто не могло помешать ему пребывать в том сладком состоянии, которое мы старались оттянуть до самого позднего часа.

Ребят из дружественного социалистического государства отличала и бытовая приспособленность, и даже деловая хватка. Советского студента просто оторопь брала, когда он в первый раз удивлённо наблюдал, как вьетнамцы заполняют коробками с алюминиевыми тазиками и кастрюлями целый грузовик. Затем самолётом всё отправлялось на Родину, где такой

товар, видимо, пользовались хорошим спросом. И это делалось легально, их даже в деканат не вызывали, не говоря уже о компетентных органах. А ведь сколько энергии и выдумки требовалось в советское время, чтобы сначала скупить весь алюминий Васильевского острова и Петроградской стороны (вряд ли их пускали на оптовые базы Снабсбыта), складировать, потом оформить на таможне как личный груз доброй сотни студентов землячества (и так несколько раз в год!), затем организовать перевоз несопровождаемым авиабагажом! На далёкой Родине тоже кто-то должен был обеспечить приём и реализацию товара. То есть целая экспортно-импортная частная компания работала параллельно в двух государствах с централизованными системами распределения. Неслучайно Алиэкспресс появился в Китае, думаю, у тамошних студентов похожая схема тоже уже была отработана. Как ни крути, а это – высший пилотаж, поэтому я не удивлялся, когда стали приходить вести о бурном развитии капитализма в социалистической стране Индокитая с одной руководящей и направляющей силой.

Но внешне они все были правильные, законопослушные и дисциплинированные – ходили на политические мероприятия, собрания, почти не пропускали занятия. Почти – это уже комплимент, некоторые советские и иностранные студенты появлялись на лекциях только по большим праздникам, таковыми считались иностранные языки (или русский как иностранный), спецсеминары по специальности и, конечно, военная кафедра.

Законопослушность вьетнамцев могла сыграть с ними злую шутку, рассказывали, как над их двумя соотечественниками зло подшутили два студента-философа. Может, от скуки, может, от некоторой зависти. Их сотоварищи по комнате не слишком блистали в учёбе, но зато казались отрегулированными на исполнение факультетского регламента как часовые механизмы. Вот и поинтересовались наши однажды, как бы невзначай, почему их вьетнамские друзья не встают в шесть утра, как положено студентам идеологического факультета, и не слушают гимн Советского Союза стоя. Радио в комнате работало всегда, оно служило ребятам и будильником, и напоминанием о времени, ведь даже ко второй паре иногда нелегко проснуться после посиделок под гитару далеко за полночь – молодым организмам требуется отдых. Ошарашенные вьетнамцы не без некоторых колебаний напомнили любопытствующим, что те сами не встают, тогда им, ничтоже сумняшеся, заявили, что имеют специальное разрешение деканата. «Ну, а вы как хотите, - сказал, многозначительно подмигивая, один из шутников, - мы, так уж и быть, никому не скажем». Зевнул и повернулся на другой бок.

День ушёл на проверку информации. Но почву шутники подготовили, отдельные товарищи «слышали» об этом, однако никто из соотечественников в шесть утра не вставал и их советские приятели тоже. Несчастные жертвы розыгрыша посоветовались и решили, что в остальных комнатах русские студенты просто менее принципиальные и, получив своё разрешение, не обращают внимания на вьетнамцев, мол, это ваше дело. Поэтому, припомнив многозначительное подмигивание и взвесив все за и против, решили вставать. Каждое утро в шесть часов с первыми звуками гимна из репродуктора они подскакивали с кровати и, вытянувшись по стойке смирно, с каменными лицами слушали знаменитое творение Александрова и Михалкова-старшего. Вьетнамцы очень терпеливый народ, но любому терпению приходит конец. Оно и лопнуло, когда главный шутник, натягивая подушку на голову, сказал, что слушать мало, надо ещё и петь.

- Петь? – удивлённо протянули двое несчастных. – Мы не знали.

- Хоккей смотреть надо, а не зубрить постоянно, вот смотрели бы хоккей, знали бы что стоя гимн надо петь!

Они попробовали, но текст давался с большим трудом, тогда решили идти просить разрешение в деканате. Рассказывали, что шутников исключили. Не могу поручиться полностью за правдивость этой истории, теперь в интернете существует много её версий, но тогда у нас о ней знали все. А то, что несколько наивных вьетнамцев можно было легко разыграть, я знаю точно.

Мой приятель Ан, повторюсь, был неплохой парень, но тоже немного наивен. В один прекрасный день колумбийцу Карлосу стало скучно, захотелось посмеяться и рассмешить других. Он хорошо владел русским языком и общался, в основном, с советскими студентами, поэтому мог считаться своего рода асом по части нецензурной лексики. Ан же, напротив, говорил плохо, но к знаниям стремился сильно, допоздна сидел над учебниками. Но не всегда тяга к знаниям приносит положительный результат. Карлос задумал поучить Ана русскому языку довольно оригинальным способом, а тот всегда был готов впитывать в себя знания:

- Ан, вот что у тебя такой скучный и однообразный русский язык. Ты, кроме «привет» и «здравствуйте» ещё хоть один способ сказать тоже самое знаешь?

Ан задумался, потом выдохнул:

- Знаю, целых три – «доброе утро», «добрый день», «добрый вечер».

- Ну, этому учат ещё на первых уроках подготовительного отделения для иностранцев.

- А что ЕЩЁ есть? – осторожно любопытствовал Ан.

- Конечно, куча. Но для начала можешь выучить одно – «ё. твою мать!»

- А это что значит?

- Ну, чтоб и твоя мать хорошо жила. Здравствуйте ведь буквально означает – не болейте, будьте в хорошем здоровье, а тут ты добавляешь о матери собеседника, чтоб и ей, матери, тоже всё хорошо было и приятно, чтоб удовольствие получала от жизни! Это вежливость, Ан.

- А почему я раньше никогда не слышал это приветствие?

- Потому что его употребляют образованные и культурные люди исключительно, вот я, например.

Карлос помолчал секунду, посмотрел по сторонам и тут же крикнул проходящему мимо хакасу Алику:

- Алик, ё. твою мать, тебя Бубулич уже обыскался!

- Вот видишь, так что мотай на ус!

- На что? – У Ана растительность на лице практически отсутствовала.

- Да на что хочешь, главное не забудь, используй, пригодится.

- Спасибо!

- Не за что, обращайся, у меня ещё большой запас разных выражений для культурных людей.

На следующий день первым занятием у Ана стоял в расписании русский язык. Очень довольный собой, с сияющим лицом он поздоровался с преподавательницей:

- Ё. твою мать, Александра Петровна!

К счастью, преподавательница оказалась умной женщиной и сразу всё поняла, она хорошо знала Ана. Лишь попросила более продвинутого в русском языке нигерийца Ису, если сам знает, объяснить Ану истинное значение выражения. Иса знал, а Ан потом несколько месяцев не здоровался с Карлосом.

Я, к счастью, не имел отношения к этой истории, хотя, каюсь, тоже здорово смеялся над Аном. А ведь ещё за несколько месяцев до неё мой вьетнамский приятель, видя душевные страдания друга после неудавшегося объяснения с девушкой, попытался поддержать меня выученной, Бог знает где и каким образом (может на уроке русского), максимой: «Ваня, любовь приходит и уходит, а кушать хочется всегда!». Помочь она не могла, но желание поддержать тебя всегда приятно.

Вьетнамцы не исчезали из нашей жизни до самого окончания университета, но после моего третьего курса мы стали поэтапно переезжать в новую, современную общагу. Самыми довольными были жаждущие продать своё тело подороже жрицы любви – больше уединения – больше простора для их деятельности. К тому же обещали завоз американских практикантов! Нас селили в двухкомнатных блоках, по системе два плюс три. В дополнение ко всему в каждом блоке имелся санузел с душем и кухонный уголок с электроплитой. Не надо было ждать тех двух заветных дней в неделю, дабы совершить необходимые гигиенические процедуры после сеанса связи с закордонным миром. В новом общежитии уже не стало привычных встреч и долгих бесед в коридорах, иногда далеко за полночь, когда в комнатах народ уже начинал готовиться ко сну. Все рассосались по блокам. Пошла совсем другая жизнь. Вьетнамцы жарили селёдку в своих номерах, и там же они кучковались. Их почти не стало видно в коридорах, мы встречались лишь по дороге на учебу и на факультете, но там у всех были другие дела. Вместе с запахом жареной селёдки и гортанно-тональным языком воркующих вокруг сковородок вьетнамок ушла часть нашей повседневности. Мы даже не представляли, насколько мы привыкли к шумным группам наших товарищей из братской, как тогда говорили, страны. На следующий год завершил учёбу Великий Чунг, кто занял его место в сложной иерархии вьетнамской диаспоры, мы даже не пытались понять, да это уже было не важно. Всё, что связывало нас с присутствием вьетнамцев, постепенно затёрлось и нивелировалось. Даже машины с тазиками мы больше не видели, наверное, мозговой центр торговой фирмы нашёл другую платформу для своей кипучей деятельности.

МАРТ 2018 ГОДА

НОСТАЛЬГИЯ

Сейчас очень модно добрым словом вспоминать старое время, советское время. Конечно, братская Украина помогла. Показала, как далеко можно зайти, если огульно предать хуле всё то, что было святым для отцов и дедов. Но не только она. Так уж устроена человеческая память, она сохраняет либо хорошее, либо плохое, тут всё зависит от человека. Но ностальгирующие по советскому времени, особенно по глубинному, по каким-нибудь замшелым шестидесятым или семидесятым годам, одно помнят точно – они были моложе (и бабы, соответственно, тоже). А для семидесятилетнего время молодости, как известно, самое лучшая эпоха для воспоминаний.

На родительском собрании подросткового футбольного клуба подобрался очень разный контингент. Начиная от мам и пап, которые в советское время ещё сами только-только успели под стол пешком сходить пару раз и заканчивая семидесятилетним дедушкой, ровесником то ли Победы, то ли советской ядерной бомбы. В ожидании кворума из хотя бы 10-ти процентов от списочного состава игроков пошли тары-бары. Как часто бывает, сразу определяются ведущие. Основным ди-джеем был тот дедок годков семидесяти, с неаккуратно подстриженной бородкой, весь высохший как вобла, а по физиономии прошлись, лучше сказать, избороздили её (в буквальном смысле слова) все возможные межпланетные корабли, как наши, так и американские, китайские стояли в очереди. Картину дополняли огромные очки, под которыми выпячивались маленькие глазки. «Совсем как у рыбы», - подумалось мне. Ему ассистировал приглашённый докладчик примерно такого же возраста, может, чуть помоложе (то есть для некоторых ещё жених) и чуть импозантнее, весь сине-голубой, нет, дамы и господа, вы не то, подумали, смотрите футбол почаще, просто он явился нам в зенитовских цветах.

Началось всё очень банально – цены, дороговизна. «Теперь за всё надо платить», - грустно констатировал докладчик, видимо, подзабывший, что он пришёл в бесплатный футбольный клуб для детей. Дедок вторил ему:

- Да, я, когда в техникуме учился в начале шестидесятых, с тремя рублями в кармане мог девчонку в кино пригласить, мороженым угостить и даже в ресторан сводить!

Я молча слушал, в таких случаях людям нельзя мешать высказаться, наболело. Сам с грустью вспоминал свои тяжеленные сумки с колбасой, маслом, мясом и сыром, которые таскал во время учёбы из Ленинграда родителям во Псков с его пустыми магазинами. Как мало тогда мне нужно было для счастья – всего лишь купить курицу по два семьдесят кило, которая по упитанности тянула на венгерскую по три шестьдесят! И как мне не хватало в ленинградском общежитии родного южного ветра с псковского мясокомбината, доносившего в родительскую квартиру запахи протухших обрезков. Столько ароматов! Это всё, что было дозволено нюхать жителям древнего города Псков. Нет, вру, ещё в месяц 500 граммов зеленоватого цвета колбасы по талонам в одно лицо. Колбасы, в которую никто не клал сою, да, что правда, то правда, потому что бумага была дешевле, особенно читанные газеты из макулатуры. Ещё мы имели право на килограмм мяса, но с условием, что он содержал четыреста грамм костей. Вес костей в куске определялся на глазок продавщицей. Естественно, когда она отмеряла свой килограмм, глазок закрывался за ненадобностью, оказывается, у советских коров и свиней тоже имелись филейные части.

Тем временем увлекательная дискуссия продолжалась.

- А сейчас и с тремя нулями ни на что не хватит! – поддержал сине-голубой.

Я мысленно стал считать, на что же паре подростков не хватит трёшки с тремя нулями, ну разве что на ресторан в «Астории». Или у меня потребности такие слабые, в последний раз оставили в «Токио-сити» всего две. Ну, так это же забегаловка, харчевня, видать, у зенитовца и рыбы в ботинках за 500 рублей были запросы покруче. Они, наверное, все заработанные за долгую трудовую жизнь деньги в ресторанах спускали, поэтому и на обувь от «Версаче» не всегда хватало. Или имелось в виду, что три нуля в кармане, это всё равно три нуля, несмотря на то, что их три. Тогда они философы!

- Да, теперь детям сколько денег не давай, им всё мало, - в разговор вступила красотка примерно того возраста, когда женщину отнести к категории мам язык не поворачивается, а к категории бабушек в наше время уместно причислять только заведомых старух. – Мой всё айфон хочет, хоть пятый-шестой, но айфон, а потом айпэд тысяч за пятьдесят попросит, - сказала она подморгнув единственным глазом, второй у неё закрылся, наверное, ещё в детстве, когда на себя в зеркало в первый раз посмотрела.

- Ну, это как в Египте, - опять вступил в разговор докладчик, - двадцать пять долларов стоит сесть на верблюда, а потом с тебя возьмут ещё двадцать пять, чтобы слезть с него.

«Ага, вот тут-то ты и прокололся, - подумал я, - выражаясь языком Штирлица - ведь это провал». Наш защитник справедливого советского образа жизни, выходит, бывал в Египте. Конечно, в советское время мой папа тоже был в Египте, только он оттуда привёз не кусочек пирамиды Хеопса, а осколок от израильской бомбы. «Значит, по СССР ностальгируем, а по Турция-Египтам катаемся!» - с чувством первобытного злорадства сделал вывод я.

Но всё оказалось гораздо прозаичнее. Не знаю, как Турция-Египет, но синеголубой докладчик пришёл уболтать нас отправить своих детей на летний футбольный турнир (фестиваль, как он сам выразился, наверное, он и там будет ди-джеем) в Норвегию. Ехать на автобусе, потом на пароме, потом снова на автобусе. По дороге можно посмотреть достопримечательности славного города Хельсинки, конечно, не Венеция, но выступавший уверял что стоит! Заслуживающий гораздо большего внимания Стокгольм почему-то не укладывался в программу. Жить в школе, есть, что дадут. В общем, для уровня элитного бизнес-тура не доставало только шлюх для развития, так сказать. Цена вопроса, уверял он, ерундовая, всего сорок тысяч, не считая, естественно, карманных денег.

Кто-то робко заметил, что за те же деньги на те же десять дней можно в сезон ребёнка в Турцию свозить, и всё включено при этом. Но тут же был задвинут в задний ряд снисходительной улыбкой организатора, подчёркивавшей слабый интеллектуальный багаж автора реплики и кричащую абсурдность такого сравнения: «Но ведь ваши дети будут играть на международных соревнованиях!» Рыба в ботинках поддакнул напарнику - ди-джею, но при этом засобирался на выход - дела, мол, извините!

Окучивание публики продолжилось. Работал ловкий поклонник «Зенита» за комиссию от организаторов – сам честно признался: «За меня вам платить не надо, только за тренера, а мне процент от ваших денег отстёгивают тамошние ребята». Все детали поездки он нам изложил чётко, собаку съел на этом, уже не в первый раз, значит, приходил. Ну, всё просто, платите за автобус и школьные матрацы как за хорошую гостиницу и золотой ключик, то бишь мячик у вас в кармане! Советское время, действительно, отдыхает. Хорошее оно было, хорошее, жулики сидели только в тюрьме или на овощебазах. И каких достойных людей вырастил Советский Союз -

многоплановых, многогранных, многосторонне развитых, их так просто современной буржуйской лопатой не убьёшь, они могут нежно любить СССР и в то же время с превеликим удовольствием поглощать запретные плоды мира чистогана.

МАРТ 2018 ГОДА

ШЕФСКАЯ ПОМОЩЬ. 1981 ГОД

Мы стояли около невзрачного, построенного из посеревшего белого кирпича, здания правления колхоза и терпеливо ждали своей участи. Солнечные лучи играли в мартовских лужах, пористый, здорово осевший за последние дни снег медленно, но верно превращался в хлопкую жижу под ногами. Весна наступила, и это чувствовала наша обувь, предназначенная не для форсирования растущих не по дням, а по часам временных водных преград, мы были экипированы для сбора веточного корма среди лесных сугробов. Нас, троих самых молодых сотрудников Псковского музея-заповедника, отправили в колхоз рвать, как утверждали областные газеты, богатые витаминами сосновые ветки. Правда, в народе говорили, что веточный корм заготавливали не от хорошей жизни, а от жуткой бескормицы. Начальство в те годы требовало от колхозов поддерживать уровень поголовья скота вопреки обычной человеческой логике. Даже слабость кормовой базы не являлась препятствием. Считалось, что, если разрешить хозяйствам держать меньше коров, то и кормов меньше заготавливать будут. Меньше полуголодных бурёнок – меньше молока. Поэтому гнались за количеством. Но каждый год план по заготовке кормов не выполнялся, и скотине весной еды не хватало. Однако на бумаге цифры выглядели красиво – столько-то тысяч голов крупного рогатого скота находятся в области на стойловом содержании. То, что эти головы нужно прокормить, да порой нечем, и коровы превращались в иждивенцев (существовал даже такой термин в нашем сельском хозяйстве), казалось проблемой второго порядка. Колхозы старались, держали требуемое количество голов, а оголодавшие коровы давали всё меньше молока, надои на Псковщине падали каждый год. Даже местная пресса не скрывала этого безотрадного факта. Но для поддержания колхозной экономики на плаву у каждого хозяйства имелись так называемые шефы из городских предприятий и организаций. Вот и привёз нас, трёх музейных молодцев, служебный автобус за шестьдесят вёрст помогать подшефным в трудной ситуации путём совершения увлекательной прогулки по заснеженному лесу. Преодолевая бурелом, требовалось не наломать дров и некоторых частей тела, а только богатых иголками веток. Шофёр – музейный хитрован Боря, ухмыльнувшись

во всю рыжую щетину, обнадеживающе крикнул напоследок: «Ждите, если не сломаюсь, к вечеру приеду за вами!» Тут же подумалось: «А если сломаётся?» Но, словно угадав ход моих невесёлых мыслей, старший нашей группы Паша-большой из оформительского отдела развеял страхи:

- Сломаётся, колхозные отвезут, у них транспорта хватает. Вон, автобус ихний стоит.

Я уважительно посмотрел на Пашу-большого, даже взрослые в моём тогдашнем понимании сотрудники величали его почему-то Пал Палыч, несмотря на 27 лет и моложавый вид неженатого любителя женского пола. Действительно, высокий симпатичный парень, вполне себе молодой человек на невысокой должности, и почему к нему так пристало имя-отчество в нашем, понимающем в субординации коллективе? Но он так и представлялся всем: «Пал Палыч», не смущался даже если его визави был раза в два старше, правда, видимо, осознавая некоторую нелепость ситуации, он произносил имя и отчество очень быстро, практически слитно: «Палпалыч».

- Ага, коров запрягут, когда подоят, к утру доедем, – поддержал тему второй Паша, мой ровесник, но уже судивший обо всём с апломбом завязатого антисоветчика. Его негативное отношение к окружающей советской действительности подогревалось, правда, маячившим на горизонте призывом в армию. Ему, как и мне, стукнет восемнадцать в ближайшие месяцы.

Паша, всегда снисходительно посматривал на меня, честно протиравшего штаны в историческом отделе и при первой же возможности достававшего заветную книгу студента-заочника - учебник по какой-нибудь древней истории. Он считал меня чудачком, слишком серьёзно относившимся к жизни. Сам же, обладая весьма оригинальной внешностью, где вместо лица имелся один профиль с длинным носом и совиными глазами, прекрасно уживался в любой компании и умел извлекать выгоду из любого положения, производя при этом минимальное количество усилий. Счастливый талант, помогающим многим на трудной стезе взрослой жизни. Кстати, в ряды вооружённых сил он не попал, сначала отбрыкивался всеми правдами и неправдами, получал разные отсрочки, но завести жену и двоих детей – самый надёжный способ отмазаться от армии в то время – не желал. Оно и понятно, семья требует и времени, и денежных средств, а Паше пелёнками заниматься не хотелось и зарабатывать на прокорм детей тоже желания не имел, он в музей-то пошёл работать помощником оформителя на минимальную зарплату по протекции – большую часть времени его коллеги проводили в собственной курилке. В конце концов, получив повестку, он чем-то сознательно траванулся, потом,

полежав в больнице месячишко, вышел оттуда весь зелёный и получил желанный белый билет. Не знаю, насколько сильно это отразилось на его здоровье, но через семь лет я его снова встретил в музее в том же качестве, с неизменной сигаретой в зубах и постоянным желанием хорошо посидеть в тёплой компании.

Однако в тот весенний день волею судьбы мы оказались в одной упряжке и продолжали ждать. Мартовское солнце хоть и пригревало, но колючий, ещё совсем зимний, ветерок тоже давал о себе знать. Первыми, как всегда, стали подмерзать ноги, но с этим ещё можно бороться – попрыгать, поприседать на глазах у изумлённых колхозников – в деревне своей физкультуры хватает, поэтому о пользе физзарядки мало кто догадывается. Ответственная за трудоустройство городских шефов колхозная начальница средней руки всё никак не появлялась на крыльце правления. Мы уже не знали, как убить время. Два Паши устроили соревнование по произнесению сложного названия нашего музея – ПГОИАХМЗ – Псковский Государственный объединённый историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. Выигрывал тот, кто по моей команде быстрее всего чётко выговаривал это сложное словосочетание. Победителя было трудно определить, для этого требовался электронный секундомер и не менее электронная реакция судьи. В конце концов, сошлись на том, что старое название, которое Палпалыч ещё застал, звучало лучше – ПИХАМЗ (Псковский историко-художественный и архитектурный музей-заповедник). ПИХАМЗ к тому же великолепно трансформировался в ПИХАМЗуй, а оттуда уже неуёмная человеческая фантазия вела в ещё большие лингвистические дебри. Но и эта тема быстро исчерпалась. Тогда Паша-младший, видать, от скуки начал подшучивать надо мной:

- Ну что, братец Иванушка, не спешат тебя, сознательного нашего, отправлять на комсомольскую стройку курятника из сосновых веток?

В отличие от него я никогда не увиливал от частых музейных авралов, когда весь оказавшийся под рукой мужской персонал, включая моего начальника и единственного «остепенённого» наукой сотрудника, Константина Моисеевича Плоткина, вызывался нашим завхозом на погрузку-разгрузку очередного книжного шкафа или скульптуры какого-нибудь талантливое местного ваятеля, всегда в запасе имелся и вынос фондов для проветривания.

- Да уж сестрица Алёнушка, - парировал я, - не спешат, водички попить что ли сходить, заодно и погреться?

- Так зачем ходить, вон сколько её вокруг, - Паша махнул в сторону залитых водой подступов к монументальной по местным меркам конструкции с табличкой «Колхоз имени Первого мая».

- Не пей, трактористом станешь, - выдавил из себя Палпалыч, - а вот и наша мадам, пальтишко накинула вместо фуфайки, к параду что ли готовится?

- Ага, - поддержал второй Паша, - парад, значит, среди весеннего половодья будет, глянь, плывёт в резиновых сапогах, как гусыня в уличной грязи, а мы как послушные гусята потянемся за ней вереницей обедать на скотный двор.

В нашу сторону двигалась долгожданная начальница, у неё и вправду была странная, переваливающаяся гусиная походка. Синенькое аккуратное пальтишко с меховым воротником совсем не гармонировало с замызганными резиновыми сапогами, впрочем, так же, как и напускная серьёзность в выражении лица с неумело нанесённой зачем-то косметикой. «Пока мы тут мёрзли, девушка-то прихорашивалась, никак на танцы поведёт?» - шепнул Палпалыч. Но вид начальницы был строгим и решительным, совершенно не подходящим для развлечений, он, скорее, говорил о предстоящем походе во главе нашей небольшой группы поддержки колхозного строя на штурм самых высоких рубежей, то бишь сосен района.

- Ну вот, ребята, поехали, - крикнула она нам и обратилась к кутившему неподалёку водителю, - Серёга, заводи!

Серёга, однако, не торопился запускать мотор, вместо этого он вступил в долгие препирательства с нашей командиршей, видимо, предстоящее задание не отвечало его амбициям главного колхозного бездельника. Наконец, Серёга сдался, махнул рукой, и мы все устроились в «его» автобусе и поехали. Выяснилось, что ни о каком веточном корме речь уже не шла. Почему, нам объяснить не удосужились. Может, накануне колхоз им обеспечила армия бесплатных городских рабов с самого большого в городе завода радиодеталей, может, коровам уже обрыдло жевать иголки, все языки перекололи. Наверное, главное в сегодняшнем мероприятии было наличие городских шефов, а не результат их тяжёлых трудов. Музей тоже вполне удовлетворял такой расклад, он ведь по разнарядке людей послал в колхоз – это самое важное.

Оказалось, теперь нас везли в соседнюю деревню, на ферму, откуда нужно было забрать мясо для сдачи на мясокомбинат. Хотелось надеяться, что обеспечат спецодеждой, - я совсем не представлял, как буду грузить кровавые туши в единственном зимнем пальто. А раз везут троих человек, значит,

придётся попотеть, иначе чего было заморачиваться с шефами. Но с другой стороны, я мысленно обрадовался, ведущее и единственное мясоперерабатывающее предприятие города находилось совсем рядом с домом. Там трудились в две смены, южный ветер регулярно доносил до нас запах протухших обрезков, но в магазинах города мясо народу продавали только по талонам – в месяц килограмм мякоти с костями, или килограмм костей с мякотью – как повезёт. Говорили, что почти вся продукция уходила в Ленинград и Мурманск.

Тем временем, автобус, окатывая не растаявшие придорожные сугробы тысячами грязных водяных брызг, докатил нас до места погрузки сырья советской мясной промышленности. К нашему удивлению, за дверями постройки лежала всего одна туша какого-то худосочного телёнка. Мы переглянулись, губы Палпалыча растягивались в ироничной усмешке, а Паша явно обрадовался простоте поставленной задачи. Я недоумевал, гонять музейный автобус за тридевять земель, потом морозить нас на улице добрый час только для того, что мог бы сделать бездельник Серёга при помощи какой-то матери и нашей серьёзной и ответственной начальницы. Утешало только то, что из города нас обратно в колхоз уже не повезут и таким образом, проблема доставки из милой буколическо-тракторной деревни в шумный областной центр решится сама собой.

Но такая приятная перспектива внезапно оказалась под угрозой, туша подванивала, накануне никто не подумал положить её в ледник, а на дворе круглосуточно держалась плюсовая температура. Наша начальница устроила короткое совещание с внушительных размеров тёткой с фермы, по результатам которого было решено груз в город везти, но сначала на ветстанцию, потому что с запахом мясокомбинат груз никак не примет. «А что ветстанция умеет устранять запах протухшего мяса?» - мелькнула у меня в голове крамольная мысль.

Мясо погрузили в два счёта, рабочих спецовок нам, конечно, никто не дал, но мы умудрились не замараться. Я и Паша взяли за передние ноги, более крепкий Палпалыч за задние, так и втащили тушу в автобус. Там её расположили рядом с водительским сиденьем. Руководительница экспедиции уселась во втором ряду, я за ней, тёзки-коллеги – за мной. Получалось, что забитый телёнок занял после смерти почётное место старшего группы, логично, ради него, собственно, всё и затевалось.

Пять человек, один автобус и килограмм сорок-пятьдесят в убойном весе ехали в город часа полтора. В салоне воздух наполнялся понятными

ароматами, пришлось открыть пару окон, а мы и без того замерзали, печка более-менее отапливала только пространство около места водителя, то есть тепло получал лишь он и, в качестве посмертной награды, телёнок, что, конечно, ещё больше ускоряло процесс превращения его брэнной плоти в несоответствующий санитарным нормам продукт. Наконец, когда мы стали околевать до такой степени, что решили снова закрыть окна, показался город, по обеим сторонам дороги поплыли новостройки, ещё минут десять, и мы остановились перед одноэтажным зданием с отваливавшейся жёлтой штукатуркой. «Приехали!» - сказал Серёга.

Руководительница операции по сдаче протухшего мяса, кряхтя, вылезла из автобуса и скрылась где-то в дебрях ветстанции. Палпалыч с Пашей вышли покурить, к ним присоединился водитель. Я слышал только обрывки фраз, исходивших в основном от нашего «Козлевича». По большей части они состояли из легко узнаваемых, но не поддающихся письменной передаче элементов великого и могучего. Через некоторое время в сопровождении женщины в белом халате показалась начальница. Она безуспешно пыталась доказать ценные питательные и вкусовые качества протухшей туши своей спутнице, но та даже в автобус заходить не стала, а только приоткрыла дверь и, потянув носом воздух, тут же захлопнула её, покачала головой и, что-то сказав нашей неугомонной колхознице, решительно повернула назад. Догонять и уговаривать было бесполезно, даже наша мать-командирша осознавала это.

Тушу повезли обратно в колхоз, как с ней поступили, не знаю. А нас отпустили по домам обедать, шёл уже третий час пополудни, и наши молодые желудки требовали срочной подпитки. После обеда никто, конечно, на работу уже не поехал, мы намёрзлись, растрясали все внутренности на разбитых дорогах, с нас было достаточно. Рабочий день прошёл абсолютно зря. Жалко, я мог бы поработать над аннотациями для новой экспозиции, старшие товарищи, наконец, поручили мне что-то интересное, до этого только переписывал бумажки. Но муки творчества тогда меня не сильно терзали, успокаивала мысль о том, что пару лишних часов смогу посвятить увлекательно написанной истории Древней Греции. С паршивой овцы хоть шерсти клок. И то хорошо. Спасибо тебе, колхоз имени Первого мая, за тепло и уют родного дома и за подаренное время, проведённое за чтением интересной книги. А нашу энергичную начальницу, наверное, утешало сознание выполненного долга, бездарно потраченное время пяти человек и сожженный напрасно бензин, видимо, во внимание не принимались. Вот такая была экономика у нашего подшефного хозяйства (или бесхозяйства?), недаром

оно числилось в миллионерах по долгам. Однако долги в то время колхозам и совхозам списывали на каждом партсъезде, то есть раз в пять лет.

МАРТ 2018 ГОДА